

ИСЛАМ В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (вт. пол. XIX–нач. XX вв.)

Тасмагамбетов А. С., д.и.н., доцент кафедры правовых дисциплин ЗКГУ им. М. Утемисова

Мусульмане Южного Казахстана в организационном плане не были подчинены Оренбургскому мусульманскому духовному собранию (ОМДС), в силу того, как официально объяснялось, что названный край был присоединен к России позже учреждения этой организации, и не было, якобы, закона о подчинении мусульман этого региона данному Собранию. Действительно, в «Положении об управлении областями Туркестанского края» 1867 года не было установлено никаких норм по вопросу об управлении и регулировании духовных дел мусульман данного края.

Действительно, как общее, так и местное законодательство не касались вопросов, связанных с организацией религиозной жизни местного населения. Заняв Туркестанский край и устроив политико-административное управление в нем, в принципе, на общих с другими окраинами империи началах, российское правительство практически не коснулось вопроса о регламентации духовной жизни мусульман занятого региона. Им в этом отношении была предоставлена свобода (являвшаяся все-таки относительной) и возможность руководствоваться в этих вопросах своими обычаями, вместе с тем следя за тем, чтобы при этом не проявлялось «антиправительственных тенденций» [1, Л.8].

Такое же положение распространялось и на южные области Казахстана, вошедшие после 1867 года в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Лишь с октября 1893 года, когда Семиреченская область была включена на некоторое время в состав Степного генерал-губернаторства, на нее в это время было распространено «Положение об управлении в степных областях» от 25 марта 1891 года и были заметны некоторые изменения в вопросах ее регламентации и управления [1, Л.9]. Через 12 лет Семиреченская область была вновь передана в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Но, тем не менее, вопрос об учреждении в крае духовного правления для мусульман и о введении официальных исламских духовных лиц, как это было сделано к этому времени в других регионах империи, поднимался неоднократно. Но руководители Туркестана, начиная с Кауфмана, относились к данным инициативам всегда отрицательно. Суть их позиций хорошо заметна в высказывании по этому поводу одного из руководителей канцелярии данного генерал-губернаторства, надворного советника Семенова. Вот что он пишет: «...Совершенно независимо от той или другой организации этого дела, можно заранее быть уверенным, что всякая духовная организация, при всей внешней лояльности, всегда будет таить известный элемент враждебности ко всему русскому и христианскому. Поэтому, едва ли желательно создавать новый класс лиц, которые, в силу своего официального положения и опираясь на авторитет утверждающей их русской власти,

приобрели бы известное влияние в среде туземного населения, так как влияние это, несомненно, будет использовано не в интересах русского Правительства и русской Государственности» [2, Л.70].

Тем не менее, ОМДС пыталось иметь определенное влияние и на мусульман южных районов Казахстана. Дело в том, что по статье 1344 «Устава иностранных исповеданий» было определено следующее: «Таврическому и Оренбургскому окружным управлениям подчиняется все Магометанское приходское духовенство в Империи, а именно: Таврическому – Магометанское духовенство, находящееся в губерниях Таврической и Западных, а Оренбургскому – во всех прочих губерниях и областях, исключая Закавказья и Азиатских иноземцев из Магометан (Бухарцев и других), живущих в некоторых городах Западной Сибири без принятия подданства и потому подчиненных в делах духовных общему местному управлению гражданскому и чрез него Министерству Внутренних Дел» [3, Л.10].

По прямому смыслу этой статьи, которая затем никаким законодательным порядком не отменялась, получалось, что мусульманское духовенство Туркестанского края подчинялось ОМДС. Опираясь на это, данное Собрание 22 сентября 1878 года запросило от Семиреченского областного правления, для подготовки сведений в департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДИИ), различные сведения о состоянии в области мечетей, школ, численности мусульманского духовенства и количестве приходов.

Военный губернатор Семиреченской области, ссылаясь на то, что со времени введения в действие проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» официального мусульманского духовенства в области не существует и лица, исполняющие с ведома администрации обязанности мулл, никаких отношений с ОМДС или с Оренбургским муфтием не имеют, просил указаний руководства Туркестанского края о том, должно ли областное правление удовлетворять запросы ОМДС [3, Л.10].

В связи с этим, а также «с другими случаями вмешательства Оренбургского Духовного Правления в дела Семиреченских мусульман», Туркестанский генерал-губернатор Кауфман 11 декабря 1879 года обращается к министру внутренних дел. В нем он просит его о запрещении ОМДС и Оренбургскому муфтию всяких прямых и непосредственных отношений с мусульманским духовенством и исламскими учреждениями Туркестанского края, оставив это прерогативой местной администрации [3, Л.10 об.].

Как показывает отзыв министра внутренних дел (№ 893 от 4 марта 1880 года), им было предложено ОМДС не входить в будущем в какие либо официальные отношения как с населением, так и с мусульманскими духовными учреждениями Туркестанского края, обращаясь, при необходимости, к военным губернаторам или уездным начальникам данного региона [3, Л.10 об.].

Таким образом, хотя статья 1344 устава ДДИИ и не была отменена, а отзыв министра внутренних дел даже подтвердил право ОМДС требовать необходимые ему сведения в том порядке, как это было сделано 22 сентября 1878 года, на практике оказалось, что ОМДС не имело практически никакой связи с мусульманством в Туркестанском крае. А областные правления края, никем не побуждаемые, не стали собирать сведений о мечетях, духовных школах и деятельности мусульманского духовенства.

Преемник же Кауфмана, генерал-лейтенант Черняев, приказал образовать особую комиссию под председательством Ташкентского казья Мухиддина (№ 23 от 19 января 1884 года) для выработки проекта специального духовного управления мусульманами Туркестанского края. По предложениям этой комиссии, данное управление должно было состоять из восьми членов (мусульман), определяемых по назначению. Далее предполагалось, что они выберут из своей среды председателя, которому присваивается титул садр-ул-ислам и секретаря. В каждой из коренных областей края предполагалось учредить управления по духовным делам. В компетенцию управления предусматривалось передать: все дела мусульманской религии, вопросы по вакуфам и конфессиональным школам, он же должен был рассматривать жалобы по деятельности казиев, если таковые будут поступать от населения [4, Л.12-12об.].

Пришедший на смену Черняеву генерал-майор Гродеков, рассмотрев вышеотмеченные предложения и принимая во внимание, что в Петербурге в это время была учреждена комиссия графа Игнатьева для составления проекта положения об управлении Туркестанским краем, и предполагая, что она «несомненно обнимет и вопросы о мусульманском духовном управлении», решил приостановить работу местной «магометанской» комиссии. Выработанные же ею проекты он распорядился передать в путевую канцелярию, для направления, если потребуется в комиссию графа Игнатьева [4, Л.13].

В 1898 году, после Андижанского восстания, уже один из следующих Туркестанских генерал-губернаторов Духовской вновь возбуждает вопрос о духовном управлении мусульман в крае. К тому же, в это время на данную проблему начинают обращать внимание и некоторые центральные органы. Так, к примеру, департамент ДДИИ отмечал, что «обстоятельства с несомненною очевидностью свидетельствуют о необходимости не оставлять долее духовные дела местного Туркестанского магометанского населения вне надзора и влияния русского правительства, как это было до настоящего времени». Вместе с тем, данный департамент полагал, что учреждение в этом крае особых органов для управления духовными делами мусульман, наподобие существующих в других регионах империи, «едва ли целесообразным». По его мнению, «установление такового порядка, без сомнения, имело бы своим последствием укрепление и развитие магометанства в Туркестанском крае, т.е. повело бы к целям, прямо противоположным той, которая имеется в виду в настоящем случае» [5, Л.85].

В самом же Туркестане по этому вопросу был сделан запрос военным губернаторам. Так, в частности, военный глава Сырдарьинской области дал отрицательный ответ, не находя пользы и необходимости в устройстве такого управления. Он считал, что данные меры будут способствовать только поддержке и усилению ислама в крае [6, Л.64].

Военный губернатор Ферганской области предложил создать особый комитет по мусульманским делам под председательством лица христианского вероисповедания (из числа знающих восточные языки или окончивших миссионерское отделение при Казанской духовной академии) и пяти членов – «туземцев» по назначению. Ведению комитета должно было подлежать: наблюдение за «приходским» (мечетским) духовенством, казиями, мударрисами, муллами, ишанами; надзор за мусульманскими школами; регистрация мечетей и школ; надзор за ведением имамами метрических книг; выдача разрешения на хадж [6, Л.64об.].

А вот начальник Перовского уезда, именно для Сырдарьинского региона, полагал более удобным применить некоторые статьи устава ДДИИ об управлении закавказским суннитским духовенством, а также Таврического и Оренбургского мусульманских духовных правлений. Это свое предложение он основывал на том, что все здешние мусульмане относятся к суннитам и по характеру, образу жизни и обычаям «более или менее» подходят к «полукочевому горному населению закавказского края. С другой стороны, он считал, что применение опыта духовных правлений «Таврического и Оренбургского мусульманства» здесь уместно, так как «татары и киргизы, по происхождению своему, одноплеменники и порядок внутренней духовной жизни тех и других должен иметь много общего» [7, Л.62].

Самаркандским губернатором был представлен более подробный проект, составленный Наливкиным. По ней предлагалось: 1) открыть при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора должность окружного инспектора мусульманских учреждений с канцелярией при нем; 2) по областям учредить областных инспекторов, также с канцеляриями при них; 3) создать окружное управление из 5 «членов-мусульман по назначению»; 4) также и областные духовные правления (каждый по 5 «членов-мусульман»); 5) иметь «приходских» имамов, выбираемых «прихожанами» и утверждаемых правлением по экзамену (один на 80-100 дворов) [6, ЛЛ.64об.-65].

Глава края Духовской первоначально остановился на проекте Наливкина, но затем, согласно записке генерал-лейтенанта Иванова от 3 сентября 1898 года, организовал под его председательством очередную особую комиссию по оговариваемому вопросу. Заключение этой комиссии сводилось к тому, что в организации специального духовного правления в Туркестанском крае нет надобности, а есть необходимость только усилить административный надзор за мусульманами. В итоге был выработан проект правил и инструкции, которые были рассмотрены и уточнены в Совете при Туркестанском генерал-губернаторе [6, Л.65].

Правила эти, уже преемником Духовского генерал-лейтенантом Ивановым, в 1901 году были представлены в военное министерство с

просьбой «о возможно скорейшем разрешении настоящего вопроса». Через год после этого, в июне 1902 года, канцелярия края запросила военное министерство, какое последовало распоряжение по отношению генерал-губернатора от 7 сентября 1901 года (№ 9104). В ответ от министерства пришло уведомление (№ 33083 от 17 июня 1902 года), что переписка по запрашиваемым вопросам находится на рассмотрении подлежащих ведомств [2, Л.72об.].

С тех пор никакого ответа или отношения из центральных государственных органов по вышеотмеченным вопросам в край не поступало. Да и Иванов, и последующие его преемники на посту Туркестанского генерал-губернатора, не считали, по-видимому, особенно необходимым настаивать на «узаконении каких-либо особых мероприятий», способных «в пределах известных рамок» подчинить религиозную жизнь местного населения «надзору и воздействию» [261, Л.73]. Тем более, что вскоре вышли царский указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 года и манифест от 17 октября 1905 года, которые существенно изменили общественную ситуацию в империи, в том числе и в религиозной сфере.

-
1. Доклад Туркестанского генерал-губернатора Тевяшова начальнику главного штаба военного министерства № 7242 от 28 июля 1905 г.// ЦГА РК, Ф.44, Оп.1, Д.2495
 2. Доклад канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 6335 от 25 апреля 1912 г.// ЦГА РК, Ф.44, Оп.1, Д.2495
 3. Выписка из устава Управления Иностранных Исповеданий // ЦГА РУ, Ф.1, Оп.11, Д.1725
 4. Справка по канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 4 августа 1898 г.// ЦГА РУ, Ф.1, Оп.11, Д.1725
 5. Отношение главного штаба военного министерства Туркестанскому генерал-губернатору № 17935 от 10 апреля 1899 г.// ЦГА РУ, Ф.1, Оп.11, Д.1725
 6. Справка из дела канцелярии Туркестанского генерал-губернатора № 151/33 за 1898 г. об организации управления мусульманским духовенством // ЦГА РУ, Ф.1, Оп.13, Д.618
 7. Отношение начальника Перовского уезда военному губернатору Сырдарьинской области № 430 от 8 декабря 1898 г.// ЦГА РУ, Ф.17, Оп.1, Д.449